

ЛОРА ЛЭНДОН

Одержимый
любовью

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л92

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Landon Laura
THE MOST TO LOSE

Перевод с английского *Н. В. Паниной*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Впервые опубликовано в США
издательством Amazon Publishing, 2013.

Печатается с разрешения Amazon Publishing (www.apub.com)
при содействии литературного агентства Synopsis Literary Agency.

Лэндон, Лора.

Л92 Одержимый любовью : роман / Лора Лэндон ; [пер. с англ.
Н. В. Паниной]. — Москва : АСТ, 2015. — 256 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-086725-7

План Джонаса Армстронга, графа Хейвуда, прост: вернуться в Лондон, найти там богатую невесту и спасти при помощи выгодного брака фамильную честь от позорного разорения.

Красавица Сесилия Рэндолф идеально подходит на роль графини, но увы: она — сестра заклятого врага Джонаса герцога Хардли, из-за которого он и покинул свет. А впрочем, может, рискнуть?

Хейвуд и не подозревает, что Сесилия тайно любит его с самого детства, и страдает, томимый всепоглощающей страстью к недостижимой красавице... Но истинная любовь не знает преград!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Laura Landon, 2013
© Перевод. Н. В. Панина, 2014
ISBN 978-5-17-086725-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ПРОЛОГ

Англия, Лондон

16 мая 1852 года

— Ты должен помочь мне, Джонас! Ты просто обязан!

Джонас Армстронг, второй сын графа Хейвуда, видел мольбу и панику в огромных голубых глазах Мелисент и чувствовал собственное бессилие.

Он ничего не мог сделать.

— Я не могу, Мелисент. — Джонас осторожно оторвал уцепившиеся за его рукав пальцы Мелисент и отступил на шаг назад. — Я ничего не могу сделать.

— Нет, ты можешь! Ты можешь отвезти меня в Гретна-Грин! А когда мы вернемся, заявишь отцу, что женился на мне.

— Я не могу жениться на тебе! — Джонас боролся с непреодолимым ощущением опасности. — Я не люблю тебя. И ты меня не любишь.

Мелисент топнула ногой в изящной голубой туфельке и обожгла его тем взглядом, который Джонас привык видеть всякий раз, когда у единственной избалованной дочери маркиза Канделла не получалось добиться своего.

— Но я и Хардли не люблю! А отец ждет, что я выйду замуж за него!

— Мне кажется, Хардли подходящая для тебя пара, — попытался убедить ее Джонас, хотя и понимал, что все это бесполезно. С Мелисент такие номера не проходили. — Мы все трое выросли вместе. Ты знаешь его всю свою жизнь.

— Ну, разумеется, я знаю его всю свою жизнь, — согласилась Мелисент, меряя шагами небольшую площадку в саду леди Кемпсфорд. — И именно поэтому не выйду за него замуж. Мы с Хардли совершенно не подходим друг другу!

Своим поведением сейчас она напоминала зверя, который беспокойно мечется по ограниченному пространству клетки.

— Хардли — отличный выбор, — предпринял еще одну попытку убедить ее Джонас. — Ты никогда и ни в чем не будешь нуждаться с Хардли. Он умен, хорошо разбирается в финансовых делах, уже сейчас многие обращаются к нему за советом по разным вопросам. Кроме всего прочего, он — герцог. Что еще тебе требуется от мужа?

Мелисент остановилась и потрясенно посмотрела на него.

— Неужели ты думаешь, что меня волнует, насколько он умен? И спрашивают ли у него совета? Умные мужчины — наихудший тип мужей. Это всем известно.

— В таком случае, что же ты ищешь в муже? — спросил Джонас, окинув Мелисент пристальным взглядом.

— Ну, тот факт, что я стала бы герцогиней, безусловно, имеет значение. Как и то, что Хардли довольно красив, если уж говорить о внешности, — без тени смущения рассуждала Мелисент.

— Но?

— Ты знаешь Хардли не хуже меня. Мы выросли вместе.

— Но все это говорит только в пользу Хардли.

— Вряд ли, — раздраженно всплеснула руками Мелисент и вновь принялась мерить шагами крошечное пространство, цепляясь юбкой дорогого платья за розовые кусты леди Кемпсфорд. Треск блестящей ткани Джонас слышал при каждом ее шаге, но сама Мелисент, похоже, не замечала этого.

— Успокойся, пожалуйста, — протянул он руки, пытаясь остановить ее взволнованные шаги, но Мелисент ускользнула, как будто не хотела от него ни сочувствия, ни понимания. Эта избалованная девушка всегда отличалась вспыльчивым характером. Они с Хардли часто бывали тому свидетелями. Но Джонас никогда не видел ее такой встревоженной.

— Как я могу успокоиться? Я никогда еще не испытывала большего отчаяния, чем сейчас. Я отказываюсь выходить за Хардли. Отказываюсь!

— Не понимаю, почему, — не сдавался Джонас. — Ты знаешь его лучше любого другого кавалера, который просил твоей руки.

— Вот в этом-то все дело. Я знаю, что он представляет собой на самом деле. Это упрямый, самоуверенный и деспотичный человек, который будет направлять меня по жизни своей железной рукой. Разве ты не помнишь, как это было, когда мы придумывали способы избавления от учителей, которых нанял его отец? Нам всегда приходилось соглашаться с тем, что решил Хардли. Он не успокаивался, пока мы не соглашались. — Мелисент обошла вокруг клумбы с астрами, едва не наступая на очаровательные цветки. — Точно так же получалось, когда мы разрабатывали план, как избавиться от его противной, дерзкой сестры. Хардли всегда решал, где мы будем от нее прятаться, и нам приходилось соглашаться с тем, что сказал он.

— Но это лишь потому, что Хардли всегда предлагал наилучший выход.

— О, давай-давай, защищай его. Ты всегда был его самым преданным сторонником.

— Я не понимаю, — нахмурился Джонас, — почему ты испытываешь к нему такую неприязнь. Раньше ты хорошо к нему относилась. И как ты можешь называть его сестру противной? Она не была противной, просто находилась в

подростковом возрасте. И потом, она всего лишь хотела быть принятой в нашу компанию, и, оглядываясь назад, даже ты должна признать, что мы поступали жестоко, отталкивая ее.

— Все это ерунда, мы не были такими и ничего такого не делали! — выразила свое несогласие Мелисент голосом, который вряд ли походил на голос благовоспитанной дамы, какой, Джонас точно знал, ее воспитали. — Она была жуткой занудой. Ее следовало утопить еще при рождении. Как аукнется, так и откликнется, поделом Хардли! Теперь ему придется найти какого-нибудь ничего не подозревающего глупца, который отчаянно нуждается в деньгах и потому согласится жениться на ней. Сама она никогда не найдет себе мужа.

— Ты не можешь так говорить.

— Не могу? Ты ее видел? На месте Хардли я бы даже не признала ее. Там же не на что смотреть!

Джонас остановился и впервые внимательно посмотрел на Мелисент. Когда же у нее появились такие черные мысли? Когда она вдруг стала считать себя такой величественной, а всех остальных — людьми второго сорта?

— Ой, только не надо так смотреть на меня, — вспыхнула Мелисент. — Ты думал точно так же. Мы все так думали. Она такая же гадкая, как и та неуклюжая зануда Аманда Рэдберн, с которой ее постоянно видят.

Джонас никак не мог поверить, что Мелисент стала такой жестокой, что ей настолько безразличны окружающие ее люди. Но как же это случилось?

Внезапно он все понял. Никаких перемен с ней не произошло.

Мелисент всегда была такой. Просто он никогда прежде не замечал этого, потому что, как и все остальные, был очарован ее ослепительной красотой.

А вот сегодня вечером она уже не казалась ему такой безумно красивой.

— Но почему ты выбрала именно меня? Почему именно я должен спасти тебя от помолвки, соглашение о которой подписали твой отец и Хардли?

— Потому что мы — друзья. И ты мне должен.

— Я тебе что-то должен?

— Ну, может, я не совсем точно выразилась, не должен, — более мягким голосом произнесла Мелисент, изобразив на лице притворную застенчивость. — Но ты ведь не можешь не понимать, что именно дружба со мной и Хардли открыла перед тобой такие двери, в которые тебе так просто не попасть.

— Каким образом мое общение с Хардли или, уж если на то пошло, с тобой открыло какие-то двери? — боролся с закипавшим внутри гневом Джонас.

— Ой, Джонас, ну не будь таким бестолковым. Всем известно, что Хардли богат как Крез*. То же самое можно сказать о моем отце. И родословная у них превосходная.

— А что же я?

Джонас разжал кулаки и сделал вид, будто сравнение Мелисент не стало для него настоящей пощечиной.

— Ты ведь только второй сын. И твой отец никогда не умел вкладывать деньги. А это еще одна причина, по которой тебе следует воспользоваться подвернувшимся счастливым шансом и жениться на мне.

— Это было бы верным шагом, правда? — усмехнулся Джонас, однако его усмешка осталась незамеченной.

— Ну, конечно, верным. Слушай, я знала, что ты помотришь на все это моими глазами. И осознаешь преимущества брака со мной.

— На всякий случай, если я вдруг что-то пропустил, может, разъяснишь мне подробно все преимущества?

— Ну, хорошо, — разочарованно вздохнула Мелисент. — Самое главное — это, конечно, деньги. С таким приданым,

* Легендарный царь Лидии в Малой Азии, обладавший несметными богатствами.

которое отец намерен дать тому счастливику, который женится на мне, ты сможешь рассчитаться с немислимыми долгами, которые твой отец копит день ото дня.

— Откуда тебе известно о долгах моего отца? — поразился Джонас.

— Да ведь всем известно, как неумело твой отец распоряжается деньгами. И твой брат тоже. С деньгами, которые ты получишь, женившись на мне, у тебя появится возможность сделать ремонт вашего имения. Ты же знаешь, на данный момент оно находится в ужасном состоянии. Это просто позор.

— Допускаешь ли ты, что в один прекрасный день поселишься там?

— Ты шутишь? — с неподдельным возмущением воскликнула Мелисент. — Я никогда не сделала бы это имение своим домом. Оно едва пригодно для жилья. А мне оставили прекрасный особняк, где можно остановиться, когда я выезжаю из Лондона. Он великолепно подходит для летних приемов и намного лучше любого места, которое можешь обеспечить ты.

— Понятно. — Джонас переместил вес своего тела на пятки, чтобы взглянуть на особу, за превращением которой в немислимую красавицу, как ему раньше казалось, он наблюдал.

— Следующим преимуществом являюсь, разумеется, я, — с соблазнительной улыбкой на лице продолжала Мелисент.

— Ты?

— Да, — немного грустно подтвердила Мелисент. — Любой мужчина счастлив получить меня в жены. Тебе будут завидовать все мужчины Лондона.

— И Хардли? Разве тебя не волнует, что он тебя боготворит? Что ты — единственная женщина, на которой он хочет жениться?

— Фи! — пренебрежительно махнула рукой Мелисент. — Он преодолеет свою безрассудную страсть ко мне. Все преодолевают.

— Но он обожает тебя. Он с детства преклоняется перед тобой. Он ни о чем больше не говорит, только о том, что ты станешь его женой. Он...

— Он — грубиян! Он не жениться на мне хочет. Хочет превратить меня в свою собственность. Он хочет диктовать мне, что и как делать, и заставлять меня вскакивать всякий раз, когда он отдает приказ.

Мелисент вновь принялась нервно расхаживать взад и вперед.

— У него властный характер, он не допускает никаких возражений. И, как только принял решение, отказывается даже просто выслушать другое мнение.

— Другими словами, он не позволяет тебе каждый раз поступать по-своему, — подытожил Джонас.

— Он — беспощадный! Он — своевольный! Он совершенно невыносим и не подходит мне!

— А я?

— Ты гораздо дружелюбнее, — смягчилась Мелисент, и на лице пропало напряжение. — И всегда был таким. Я всегда находила общий язык с тобой.

— Ты хочешь сказать, что всегда обводила меня вокруг пальца?

— Я не это хотела сказать, — топнула она ногой, — и тебе это известно.

— А какую выгоду получила бы ты, если бы мы поженились, Мелисент?

— Мне не нравится, когда ты разговариваешь таким тоном. Ты говоришь так, будто я тебя чем-то расстроила.

Ее надутые пухлые губы и печальные глаза являлись частью искусного спектакля, который она отрепетировала до совершенства.

— Ладно, — спокойно согласился Джонас. — Какая выгода тебе от нашего брака?

— Мне удастся избежать свадьбы с тираном.

— Как знать. Возможно, я превращусь в такого же тирана, как Хардли.

— Э нет! — резко покачала головой Мелисент, и из прически высыпались несколько золотистых локонов, закрепленных шпильками. — Ты гораздо более приятный человек, чем Хардли, с тобой можно прийти к согласию. Хардли же очень упрям. Он предъявляет к жене очень высокие требования, поэтому ни одна женщина не в состоянии им соответствовать. Ни одна!

— Даже ты?

— Представь себе, даже я, — рассмеялась Мелисент, но при этом на ее лице появилось какое-то странное выражение, которое вызвало беспокойство у Джонаса.

— Почему, Мелисент? — Он сжал ее плечи, не слишком сильно, чтобы причинить боль, но довольно ощутимо, чтобы она поняла, что сейчас он настроен решительно. — Почему ты считаешь, что не сможешь соответствовать требованиям Хардли?

Джонас удерживал ее перед собой, стараясь смотреть ей в глаза. Но Мелисент на него не смотрела. Она плотно сжала губы и устремила взгляд в землю.

— Вряд ли ты можешь ожидать, что я женюсь на тебе, не услышав правды. Почему ты отказываешься от возможности стать герцогиней, чей муж невероятно богат, и вместо этого выбираешь второго сына разорившегося графа, который вот-вот потеряет крышу над головой?

— Но мое приданое могло бы спасти твоего отца и твое имение.

— Мне почему-то кажется, что тебя ничуть не волнует ни мой отец, ни наше имение, ты всего лишь хочешь выйти замуж. И поскорее.

— Так и есть, я действительно хочу. Только не хочу выходить за Хардли. Я хочу выйти замуж за тебя. Сегодня вечером. Сейчас!

— Но почему?

— Потому что... — Мелисент стукнула изящным кулачком себя по боку, — потому что... Потому что должна!

— Почему?

Мелисент замерла, словно обдумывая слова. Наконец она резко развернулась и внимательно поглядела на Джонаса.

— Ну ладно. Я вижу, ты не оставляешь мне выбора, и придется все рассказать. — Мелисент вздернула подбородок и с демонстративным видом, исполненным превосходства, посмотрела на Джонаса. — Мне нужно выйти замуж, потому что я жду ребенка.

Сказать, что Джонас испытал шок, было равносильно тому, что не сказать ровным счетом ничего.

— Ты — что?

— Знаешь, это случается, — как-то неопределенно пожала плечами Мелисент. — И не предлагай мне воспользоваться каким-нибудь снадобьем, чтобы избавиться от нежеланного ребенка. Женщины часто умирают от этого. — Мелисент, не спуская глаз с Джонаса, уперла руки в бока. — У меня нет желания отказываться от жизни только ради того, чтобы избежать небольшого скандала.

— Поэтому ты предпочитаешь выйти замуж за кого-то, кого ты не любишь и кто не любит тебя, вместо того чтобы выйти за человека, который уже попросил твоей руки и который по-настоящему тебя любит, да? — никак не мог понять ее логики Джонас. — Почему, Мелисент?

— Ты издеваешься, Джонас, да?

— Нет, — покачал он головой.

— Тогда какой, ты думаешь, будет реакция Хардли, когда он обнаружит, что женщина, на которой он женился, носит ребенка другого мужчины? Когда он узнает, что его

жена дарит ему наследника, вот только ребенок этот — не его?

— Чей же это ребенок?

— Вряд ли это теперь имеет значение. — Впервые за все время разговора Мелисентхватило ума изобразить смущение. — Скажем так, у отца ребенка нет возможности сделать меня своей невестой.

— У него уже есть жена.

— Не усложняй, Джонас, — поморщилась Мелисент. — Разумеется, у него есть жена. Неужели ты думаешь, я бы отдалась мужчине, который заманил меня в брачную ловушку?

Джонас покачал головой, но не в качестве ответа на вопрос Мелисент, а от отвращения, которое вдруг испытал.

— Надо торопиться, — схватила она его за рукав. — У нас мало времени. Мы должны уехать как можно быстрее. Отец намерен объявить о нашей с Хардли помолвке сегодня вечером.

Джонас молча покачал головой и отвел руку Мелисент.

— Не будь дураком, Джонас. Брак со мной даст тебе все. У тебя будет достаточно денег, чтобы отремонтировать полуразрушенное имение. У тебя будет красавица жена. Плюс столько денег, что ты вряд ли их когда-нибудь потратишь. Согласись, этого более чем достаточно за тот дополнительный багаж, который у меня есть.

Джонас смотрел на Мелисент, не веря своим ушам. Потом вспомнил, как вспылил Хардли во время последнего разговора.

— Мелисент, ты случайно не знаешь, почему Хардли думает, будто между нами что-то есть, о чем он вынужден волноваться?

— Разумеется, нет, — ответила она, но Джонас понял, что она лжет.

— Мелисент?

— Ну хорошо, — раздраженно махнула она рукой. — Может, я и намекнула ему, что между нами зародилось нечто большее, чем дружба.

— Ты с ума сошла?

— Мне пришлось сделать первый шаг, чтобы убедить Хардли, что я не достойна стать герцогиней.

— А тебе никогда не приходило в голову, что твой план может обернуться против тебя самой?

— Против меня?

— Конечно. Хардли не подозревает, что ты его обманываешь, он убежден, что тебя используют. Сейчас он куда более решительно настроен жениться на тебе, чтобы суметь тебя защитить. А еще, — не скрывая досады в голосе, добавил Джонас, — он уверен, что теперь я — его соперник. И могу тебе сказать, он очень зол на меня.

В этот момент с губ Мелисент сорвалось слово, которое Джонас никак не ожидал от нее услышать. Неприязнь Джонаса усилилась.

— Я считаю, что ты должна объяснить свое... трудное положение и позволить Хардли и твоему отцу решать, как лучше урегулировать ситуацию.

Мелисент прищурилась, и Джонас заметил отчаяние в ее глазах.

— Не смей становиться защитником Хардли или делать вид, будто даешь мне мудрый совет. От нашего брака ты получишь гораздо больше, чем я.

— Неужели? — Джонас постарался скрыть отвращение, которое сейчас испытывал, но понимал, что ему это не удалось.

— Я — в отчаянии. Хардли наверняка сейчас ищет меня, чтобы отец мог сделать свое грандиозное заявление. Как только он меня найдет, будет слишком поздно!

— Уже и так слишком поздно, — сказал Джонас, надеясь, что она поймет, что это и есть его ответ.

— Нет! Мне нужно твое имя! Мне необходимо, чтобы ты женился на мне!

Джонас пытался оторвать ее от себя, но Мелисент уцепилась за него двумя руками, впиваясь пальцами в ткань сюртука на плечах и демонстрируя недюжинную силу.

Джонасу удалось наконец освободиться от ее цепких пальцев и отступить назад. Мелисент споткнулась и наступила на край платья. Затем пошатнулась и упала перед ним на колени.

Джонас не мог оставить ее в таком положении. Он уже протянул руку, чтобы помочь ей встать на ноги, но замер, услышав сердитый громкий голос.

— Оставь ее в покое! — прогремело с верхней ступеньки террасы. — Не трогай! Что ты делаешь, Армстронг?

Джонас отступил.

— Это Хардли! — хрипло прошептала Мелисент. — Нет! О боже, нет, нет!

Мелисент проворно вскочила на ноги и, прежде чем Джонас успел что-то предпринять, метнулась к кованой железной калитке, которая открывала проход на улицу. Расстояние, которое ей предстояло преодолеть, было небольшим, но после только что случившегося тяжелого разговора Джонас понимал, что Мелисент не в состоянии здраво думать или действовать. Он готов был бежать и остановить ее, пока она в спешке не натворила чего-нибудь.

— Не смей приближаться к ней! — послышался за спиной приказ Хардли.

Джонас услышал звук тяжелых шагов Хардли, который торопился к нему по вымощенной плитами дорожке. Он даже слова сказать не успел, как тот схватил его за шиворот и отшвырнул назад. Когда Джонас повернулся, тут же получил мощный удар кулаком в челюсть. Он упал и пару секунд лежал на земле, пока не перестала кружиться голова.

— Ты за это ответишь, — клятвенно пообещал его давний друг Хардли и устремился за Мелисент.

Джонас понимал: нельзя допустить, чтобы Хардли поверил, будто между ним и Мелисент что-то есть. Слишком многое поставлено на карту. Дружба с Хардли значила для него так много, что выразить это словами было невозможно.

Джонас поднялся на ноги и медленно побрел следом за парочкой. Он даже не успел дойти до открытой на улицу калитки, как до его уха донесся звук лошадиных копыт, которые со звонким цокотом мчались по булыжной мостовой Лондона. Раздался предупредительный звон колокольчика, громкое ржание лошадей, короткий тревожный вскрик Мелисент и, наконец, вопль отчаяния, вырвавшийся из груди Хардли.

Джонас, пошатываясь, подошел к калитке и увидел, как Хардли, стоя на коленях посередине булыжной мостовой, бережно держит в руках безжизненное тело Мелисент.

Сжав пальцами железный столб, Джонас смотрел на эту ужасающую сцену. Всепоглощающая тьма окутала его, и он знал, что она уже никогда не развеется.

Герцог Хардли стоял рядом с семьей Мелисент, когда ее тело опускали в холодную черную землю. Вместе с ней он похоронил все свои надежды и мечты. Вместе с ней похоронил свое будущее. Будущее, украденное человеком, которого в этой роли невероятно было даже представить. Этого человека Хардли считал своим самым близким другом.

Теперь Джонас Армстронг стал для него заклятым врагом, самым ненавистным человеком на земле. Подлое, презренное создание, Хардли не успокоится, пока его не уничтожит.